

Структуры и принципы антропопрактик развития.

Практическое мышление

Антропологический вопрос сегодня уже без излишних оговорок и ссылок принято рассматривать как вопрос онтопрактический. И представления об антропоструктуре в этой логике звучат не с точки зрения подхода лишь как метода, а с позиции определенных онтоконструкций и, более того, с позиций границ и возможных существований тех или иных объектов и соответственно новообразований у человека, его качеств, свойств, черт и т.д. Такое понимание является необходимым пропуском в сферу проектирования современного содержания антропопрактик как в рамках классического европейского рационализма, начиная с И. Канта, так и в современный период «неклассического рационализма».

Развитие также есть понятие,обладающее онтологическим статусом, поскольку является субъективным вопросом выбора ценностей и признания, а с другой стороны, само развитие задает границы-переходы [12], определяющие онтологическое поле. В качестве такого онтологического поля для нас выступает философско-методологическая традиция Московского Методологического Кружка в принципиальной организации и описании антропопрактик развития. При этом мы отдаем отчет в следующем различении: с одной стороны, существует сама система подходов и представлений о человеке, материалы которых мы втягиваем в свои размышления, а с другой, стороны онтология развития возникает в ходе процедуры объективации (и как бы переописания таких определенных представлений), создавая действительность и соответственно «картину мира» антропоструктур.

1. Антропоструктуры. Ресурс, капитал, потенциал. Базовые представления европейских рациональных школ строились на опытах (в той или иной мере систематизированных) описания структур мышления. В

качестве такого опыта в рамках указанной традиции мышление рассматривается как совокупность пяти процессов: коммуникация, собственно мышление (чистое мышление), мышледействие, понимание и рефлексия. Таким образом, минимальную единицу («клетку», из которой выводятся все остальные процессы и организованности) возможно изобразить [17; 11, с. 152] следующим образом:

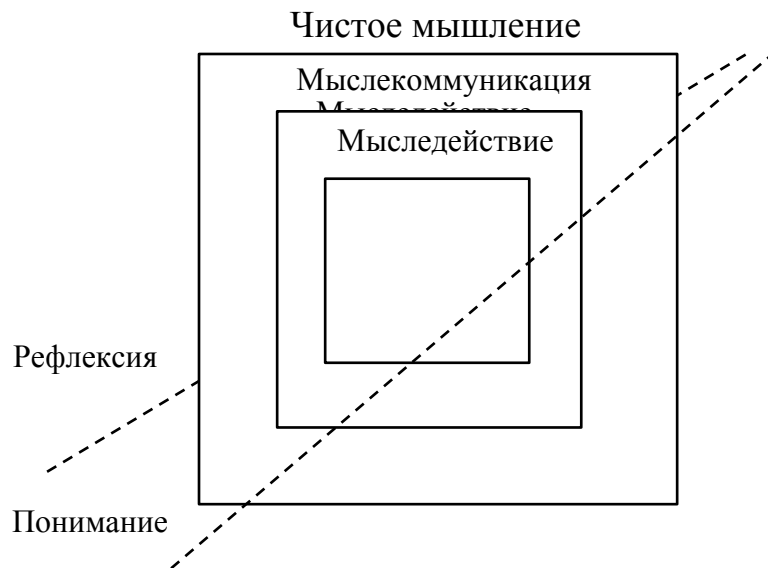

Рис. 1. Структура мышления

Процесс понимания и рефлексии изображаются перпендикулярно, то есть это не рядом положенные процессы. Процесс рефлексии и процесс понимания качественно другие по отношению к остальным: процесс рефлексии обеспечивает процесс хождения между этими слоями и по существу является основой (субстратом) реализации мышления, а понимание является исходной функцией, первичной относительно мышления, предваряет его [21]. При этом Г.П.Щедровицкий отмечал, что схема мыследеятельности рассматривается не как схема-модель реальной системы, а как схема идеальной сущности, предназначенная для теоретического основания выведения из нее различных других схем. При этом отмечалось, что «онтологичность» удерживается за счет «смысловой целостности мыследеятельности в условиях, когда образующие ее пояса и процессы мышледействия, мыслекоммуникации и мышления, а также понимания и

рефлексии отделялись друг от друга и распадались на самостоятельные формы мыследеятельности, терявшие свою осмысленность, а вместе с тем и духовность» [20, с. 292]. И в качестве яркого примера, ставшего классикой, Щедровицкий описывает появление «научного предмета», «научных дисциплин» и профессий [20, с.293].

Антропологическая «смысловая целостность» сегодня претерпевает «кризис согласований» (автор), требующий определенного соответствия с существующими формами социальных, технических и оргуправленческих практик. Представления о целостности возникает с вписыванием в антропологию относительно друг друга трех современных понятий: *ресурса, капитала и потенциала*. Причем с точки зрения антропологии вопроса «онтологическая полнота» (а не редукция человеческой жизни) осуществляется при наличии следующих данных структурных уровней:

- Ресурс (ресурсность) определяется в действии (мыследействии); является гарантом осуществления определенного спектра действий; интерпретируется как способность (в редукции - умение).

- Капитал (капитальность) определяется в ситуациях отношений, т.е. коммуникации; реализуется в ситуациях актуализации ресурса (ситуации капитализации); интерпретируется как компетенция.

- Потенциал (потенциальность) определяется в мышлении, т.е. в полагании границ, горизонтов, рамок-полаганий пространств; является контуром употребления и распоряжения «рабочих антропоструктур» умений и компетенций; интерпретируется как пространство персонализированных возможностей.

Таким образом, структурно антропопрактики представляются как иерархия, переходы и взаимообусловленности ресурсности, капитальности и потенциальности и организованы следующим образом:

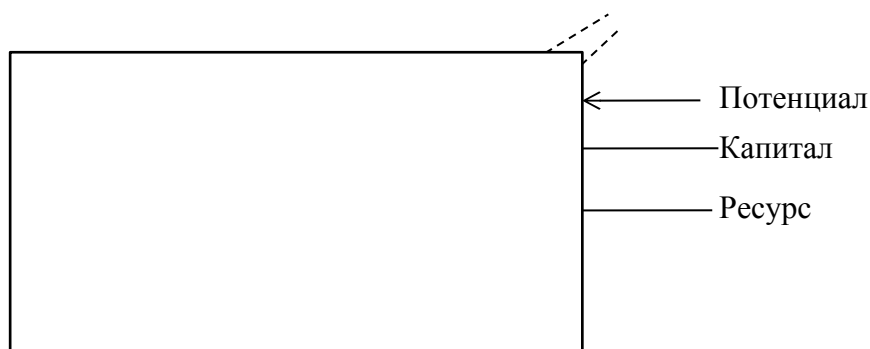

Рис. 2. Структура антропопрактики

Естественно, что такое представление требует дальнейших обоснований и глубины описания, как в вопросе содержательных полаганий антропоструктур, так и в иерархии их взаимодействия. Однако, поскольку это одна из первых работ по антропологии в парадигме методологической эпистемологии, то для нас принципиально двигаться дальше.

Развитие как прямой онтологический вопрос можно лишь обсуждать в схемах иерархического толка, и в наличии таких схем содержится ответ на «вопрос развития». В данном случае - это ситуация антропоструктурных переходов, обеспеченная другим процессом мышления (и другим мышлением) - рефлексией.

2. Рефлексия. Практическое мышление. Пожалуй, если бы не указание на рис. 1 на пронизывающий/перпендикулярный «рефлексивный субстрат», то данные представления превратились бы в обычный натуралистический отсыл, а сама схема стала бы очередным «антропологическим портретом» (хотя и весьма актуальным для сегодняшней реальности). Указания на рефлексию позволяют говорить об инструментах перехода в иерархии уровней и контурах рефлексивного управления, включенных внутрь антропоструктур. При этом рефлексия понимается как «компликатор, т.е. комплекс предметных условий, знаковых условностей и рабочих средств самоорганизации мыследеятельности и организации ее пространства рефлексивных состояний. Включая

оспособление, потенцирование и отработку всех потребных функциональных готовностей; просматривание горизонтов и перспектив возможного разворачивания деятельности; распознавание операционально доступных схематизмов сознания, т.е. того, какими наборами готовностей и способностей мы в данный момент располагаем; идентификацию тех рефлексивных сингулярностей, на которых мы субъективированы» [6, с. 157].

Имеет смысл далее говорить о рефлексивном мышлении, соединяющем в себе особенности как теоретического мышления (разработка концептуальных схем и различий), так и практико-предметного [1], удерживающего фокус понимания (через различенность объектно-онтологического и организационно-деятельностного планов).

Что представляет собой, чем является рефлексивное мышление в антропологическом плане, т.е. для нас в плане персонализации (и субъективации)? Ведь в качестве рефлексивного объекта начинает выступать «сам-человек» (не только деятельность, ситуация и опыт). В известной логике возможно повторить, что ничего такого по имени «сам-человек» в современном дискурсе уже нет, но тогда между онтологическим и антропологическим нет зазора – «щели бытия». Но мы-то знаем, что есть в том смысле, что это и является собственно ведущим предметом нашего интереса (и поэтому, это полагание возможно оставить без доказательств). Вот этот зазор и есть интрига антропопрактикования.

Осуществление рефлексивного мышления по отношению к этому объекту («субъект индивидуальности» [13]) приводит, с одной стороны, к появлению персонализированной онтологии, а с другой стороны, к фиксации (и к возможности развития) индивидуализированных инструментов онтопрактик. Рефлексия собственных процессов онтоконструирования есть

суть практическое мышление¹, т.е. рефлексивное мышление в персонализированном антропологическом измерении. Практическое мышление [14] зачастую материализуется и представляется вовсе не как мыслительный акт. Проявление практического мышления происходит в разрешении ситуаций неопределенности [3; 23] как профессиональных действий спортсменов высокого класса, пилота сверхзвукового истребителя, так и в принятии решений жизнедеятельностных ситуаций: создания семьи, определения профессионального пути, инвестирования в себя, ... Принятие решений в неоднозначных ситуациях человеческих отношений возможно при наличии практического мышления, отсюда и этический посыл Канта в «Критике практического разума».

Конечно, возможны возражения о том, что множество людей участвует в таких ситуациях и как-то справляются. Означает ли это, что они обладают практическим мышлением? Не означает! Большинство действует посредством неотрефлексированных сигналов: власть, мода, здравый смысл, существующая мораль, страхи, ... системы деятельности. «Освобождение от деятельности» бессмысленно, если нет ситуации – возможности овладения практическим мышлением, то есть через: а) овладение границами собственных возможностей (естественно, не без процесса глубинного понимания собственной персонализации); б) управление присущими (доступными) средствами оформления, организации, создание (конструирование) экзистенциальных, социальных, производственных, т.е. жизненных сред и пространств. На высоком уровне размышления в

¹ Данное употребление понятия «практика» ближе к смыслу «онтопрактика», но для нас практические действия, в отличие от множества активностей, приводят к сдвигу горизонтов, форматов и в результате возможностей, поэтому практическое для нас есть во многом онтопрактическое. Рефлексия персонализированных онтоконструкций приводит в прямом смысле к практике, например, изменение отношений с некоторыми людьми, смена деятельности, изменение режима жизнедеятельности и даже перерисовка географических карт (например, образовательная программа «География человеческих перспектив» [10]), а значит, ментальная и физическая миграция.

практическом мышлении возможно осуществление различия между онтологической картиной и собственной позицией (в ней!)².

И это выделение есть основа культивирования антропопрактикования – выделение особого на фоне выделенного всеобщего, как первоначально практики и практического. Практическая организация мышления – условие действительного самоопределения, форма организации антропологического содержания; его содержание удерживается как в символической, так и в схематической форме. Практическое мышление в самом широком смысле можно охарактеризовать как тот инструмент, с помощью которого человек определяет свое бытие, осуществляет полагание и снятие границ деятельности, расширение рамок, определяющих поле возможностей человека.

С точки зрения введенных представлений на рис. 2, практическое мышление представлено в трех формах своего существования и состояния через систему/пространство рефлексивных схем индивидуализированных программ:

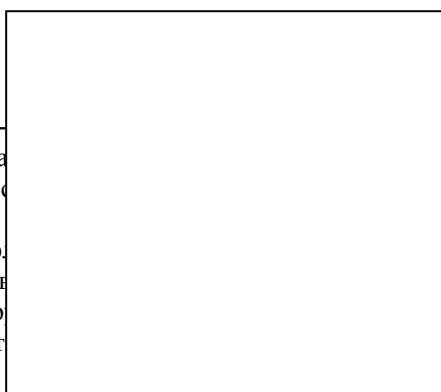
А. Ресурсности как «схемы накопления» и программы освоения.

Б. Капитальности как «схемы употребления» и программы распоряжения.

В. Потенциальности как «схемы перехода» и программы созидания.

В антропологическом плане это означает три модуса-уровня существования: поведения, мобильности, идентичности, с одной стороны, и готовности, стратегирования и самоопределения, с другой стороны. Практическое мышление как раз и обеспечивает эту «другую сторону».

²«Отныне субъективировать рефлексивной сингулярности достаточно большой. На тренинги, в которых реф. можно принимать или от против них). А на др антропологических протот

Готовность
идентифицировать себя в качестве
аций кл...
Стратегирование
не сюжетно-ролевые игры и групповые
не сюжетно-обусловленные роли. Их
Самопределение
требуют хорошей игры (по правилам или
речь идет о смене фундаментальных
[56].

Рис. 3. Соотношение практического мышления
с тремя уровнями существования

P.S. Представляется интересным корреляция схемы, представленной на рис. 3, со схемой масштабов опосредствования Б.Д. Эльконина [2, с. 10] «в описании разных времен-пространств посредничества находится решение вопроса о превращении повседневности в историю о возникновении единиц развития в повседневности».

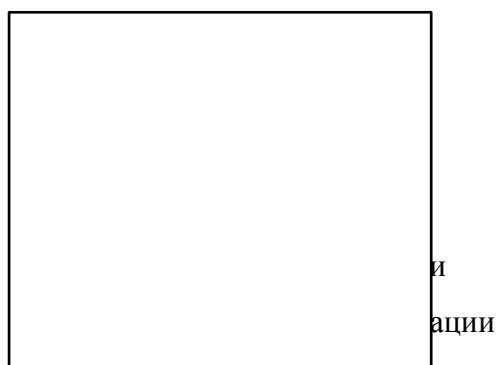

Рис. 4. Корреляция практического мышления и трех уровней существования
со схемой масштабов опосредствования Б.Д. Эльконина

3.Принципы организации антропопрактик. Далее мы предлагаем гипотезу определенной иерархии принципов организации антропопрактик развития, т.е. принципов, позволяющих воспроизводить, удерживать и оформлять структуры практического мышления. Данные принципы сконструированы и опираются на средства (конструкции) методологической эпистемологии ММК.

Таблица 1

Принципы организации антропопрактик

Принципы организации антропопрактик	Средства методологической эпистемологии
-------------------------------------	---

1.	Принцип пространственности (и онтологичности)	- концепт мыследеятельности; - принцип множественности объектов мысли
2.	Принцип политематичности (и логичности)	- содержательно-генетическая логика
3.	Принцип формативности (и топологичности; поля)	- предмет как схема продуктивного действия; - схематизация
4.	Принцип объективации (и целеполагания)	- «четвероякое содержание»: объект ³ , действие – операции, знаки/языки, понятия; - «теория смыслообразования»
5.	Принцип произвольности (и ситуативной неопределенности)	- коммуникативная организация мышления; - схема совместной кооперированной деятельности; - ситуативный анализ
6.	Принцип организованности (и рефлексивного управления)	- ОРУ, ОДИ, игротехника; -самоопределение как смена структур социальной организации
7.	Принцип проблемной событийности (и задачности)	- проблематизация как онтологическая процедура; -стратегия социокультурного действия

Данные принципы организации антропопрактик направлены на удержание (и оформление) целостности практического мышления. Эта целостность как бы скрепляет категориально-технологические структуры «бытия» и структурирует, конституирует социокультурную среду, управляет реальностью жизнедеятельности людей, включенных в антропологическое событие. Данные принципы используются нами при построении современных образовательных пространств [15].

Естественно, что каждый из этих принципов требует особого внимания и проработки, а перечень принципов несет программный характер. Последний же принцип, как «венец» организации практического мышления указывает на практику создания, оформления и организации событий, являющих идеальные формы откровения, способные быть переведенными в антропологический статус. Событие носит идеальный характер. Согласно Делезу [7], только события – идеальны и пересмотр платонизма означал, главным образом, замену сущностей на события. С точки же зрения деятельностной трактовки эта идеальность может быть приписана «событию

³«Объект есть всегда выдвинутая вперед цель, к которой мы идем» [19, с. 305].

способа действия» [23], действие проинтерпретировано как событие деятельности, а решение - как событие мыследеятельности [5]. Антропологический ход такого разворачивания заключается в том, что «события» начинают рассматриваться (например, в отличие от Хайдеггера [16]) в «действительности деятельности и мыследеятельности», а типология этих действительностей начинает задавать антропологический ряд понятий. Событие является экзистенциальной и одновременно категориальной формой проживания и мыследействия [4]. Событие является формой динамичной, представляющей различные формы мыслимости, воображения и проживания. В этом смысле «событийная логика», событийность выступает, как динамическая характеристика антропологического развития, своеобразная «топология пути» [9]. Событийность в антропологическом ключе превращается в индивидуальную историю, в своеобразную цепь событий и логику их выделения и интерпретации. Событийность не естественна, она всегда предзадана, предугадывается, а в деятельностном ключе – организуется с учетом возможностей зоны реагирования («зоны ближайшего развития»), пространства актуальностей и возможностей человека.

Литература

1. Алексеев Н.Г. Проектирование и рефлексивное мышление // Развитие личности. 2002. № 2. С. 92-115.
2. Архипов Б.А., Эльконин Б.Д. Язык антропотехнического (посреднического) действия // Антропопраксис. Ежегодник гуманитарных исследований. Ижевск: ERGO, 2011. С. 5-16.
3. Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с франц. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; общ.ред. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
4. Генисаретский О.И. Воображаемая предметность и воображаемая деятельность: заметки к педагогике воображения // О.И. Генисаретский.

Навигатор: методологические расширения и продолжения. М.: Путь, 2002. 528 с.

5. Генисаретский О.И. О задачах и ожиданиях, связанных с антропологическим истолкованием человеческого развития, потенциала, ресурса // Архе. Антропологика. Культуротехнический альманах. 2004. №5 С. 5-17.

6. Генисаретский О.И. Пространства рефлексивных состояний // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. С.148-159.

7. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М.Д. *Theatrumphilosophicum*: Пер. с фр. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

8. Зинченко А.П. Понятия о практической науке // Вопросы методологии. 1991. №1. С. 65-70.

9. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. М. Пруст. В поисках утраченного времени. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1997. 473 с.

10. Образовательная программа: География человеческих перспектив // Открытый корпоративный университет: сайт. URL: <http://www.opencu.ru/index.php?id=78>

11. Попов А.А. В поисках антропологии: между методологией и феноменологией // Поколенческий дискурс в практиках самоопределения: Сборник научных трудов. Томск, 2002. 244 с.

12. Попов А.А. Категориальные технологические начала педагогики самоопределения // Введение в педагогику самоопределения. Томск, 2001. 184 с.

13. Попов А.А. Открытое образование: философия и технологии. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. 256 с.

14. Попов А.А. Практическое мышление и методологизация современных практик образования. Доклад и дискуссия // Чтения памяти Г.П. Щедровицкого 2010 года. Понятие практики и претензии на практичность

мышления в Московском методологическом кружке / под ред. В.Г. Марача. М.: Некоммерческий научный фонд Институт развития им. Г.П. Щедровицкого, 2011. 336 с.

15. Фрумин И.Д., Эльконин Б.Д. Образовательное пространство как пространство развития («школа взросления») // Вопросы психологии. 1993. №1. С. 24-32.

16. Хайдеггер М. Гельдерлин и сущность поэзии / Перевод и примечания А.В. Чусова. М.: Логос. 1991. №1. С. 37-47.

17. Школа культурной политики // Школа по педагогике: лекции. Щедровицкий П.Г. М., 2001. URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/pedagogics>

18. Щедровицкий Г.П. Методология и наука. Доклад в Институте истории естествознания и техники АН СССР. 22.06.73 // Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 294-363.

19. Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология / Курс лекций. М., 2000. 305 с.

20. Щедровицкий Г.П. Схема мыследеятельности – системно-структурное строение, смысл и содержание // Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М.: Шк.Культ.Полит., 1995. С. 281-298.

21. Щедровицкий Г.П. Эпистемологические структуры онтологизации, объективации, реализации // Вопросы методологии (доклад 8.05.1980). 1996. №3-4. С. 123-164.

22. Щедровицкий П.Г. Системомыследеятельностная педагогика и развивающее обучение // Первые чтения памяти В.В. Давыдова. Рига-Москва, 1999. С. 117-130.

23. Эльконин Б.Д. Опосредствование. Действие. Развитие. Ижевск: ERGO, 2010. 280 с.